

Лидия Веселитская

Мимочка

Лидия Ивановна Веселитская

Мимочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22556741

Аннотация

«*Мимочка – невеста!* Мимочка опять невеста, и на этот раз, кажется, уже совершенно серьёзно. Она принимает поздравления; она делает визиты родным, получает от них подарки. Тетушки с любопытством и с участием расспрашивают ее о подробностях приданого; дядюшки приносят свои лучшие пожелания, подшучивают над Мимочкой, поддразнивают. ее, причем Мимочка слегка краснеет и потупляет свои невинные глазки...»

Содержание

I. Мимочка – невеста	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лидия Веселитская

Мимочка

I. Мимочка – невеста

I.

Мимочка – невеста! Мимочка опять невеста, и на этот раз, кажется, уже совершенно серьёзно. Она принимает поздравления; она делает визиты родным, получает от них подарки. Тетушки с любопытством и с участием расспрашивают ее о подробностях приданого; дядюшки приносят свои лучшие пожелания, подшучивают над Мимочкой, поддразнивают. ее, причем Мимочка слегка краснеет и потупляет свои невинные глазки.

– Вы очень любите вашего жениха? – спрашивают Мимочку.

– Я еще слишком мало знаю моего жениха для того, чтобы любить его, но я его... уважаю, – отвечает она.

Какова Мимочка! Никто не ожидал, что она ответит так *умно*. Все тетушки находят, что она ответила очень умно, а до сих пор Мимочка еще никогда не проявляла более ума, чем его полагается такой хорошенькой девушке, как она.

Она уважает своего жениха. И, действительно, Спиридон Иванович вполне достоин её уважения. Это человек со средствами, с немаленьким чином и с довольно заметным служебным положением, – уже не молодой, но еще и не очень старый; он некрасив, лыс, пожалуй слишком толст, во еще молодец хоть куда и смело мог бы посвататься и к богатой невесте.

– И за что это право Мимочке такое счастье! Я знаю, что многие из её сверстниц и приятельниц и особенно их маменьки готовы лопнуть от зависти и досады, что не им достался Спиридон Иванович, и говорят, будто его безбожно ловили, будто Мимочку ему предлагали, навязывали... Но, Боже моя, чего не говорят завистливые женские языки! – Вместо того, чтобы повторять эти нелепые предположения, порадуемся лучше за Мимочку, порадуемся за нее от всего сердца, как это и делают её добрые тетушки.

– Ну, слава Богу, слава Богу! – говорит тетя Софи, – я так рада за Мимочку. Надеюсь, что она будет с ним счастлива. Это и хорошо, что он немолод: Мими еще такой ребенок, – ей и нужно человека пожилого, серьезного...

– Конечно, хорошо, что он не молод, – подтверждает тетя Мари, – такого мужа еще легче держать под башмаком. И как добрая тетка я советую тебе, Мимочка, вовремя прибрать к рукам твоего Спиридова Ивановича.

– Я говорила вам, что все делается к лучшему, – заканчивает тетя Жюли. – Подумайте, какое счастье, что вы тогда

«разорвали» с этим негодяем!

И действительно все делается к лучшему. Первым женихом Мимочки был молодой и блестящий гвардеец, у которого были чудесные лакированные сапоги, черные усики, волнистые каштановые волосы и *pinenez* в золотой оправе. Мимочка увидела его в первый раз на одном вечере, где он дирижировал танцами, побрякивал шпорами, шутливо обмахивался веерами и душистыми платочками своих дам, весело улыбался, открывая блестящие белые зубы и с дьявольским увлечением кричал: «*Serrtez le grond!.. Chaîne!..*» Он сделал несколько туров вальса с Мимочкой, полюбовался ею, пока она вальсировала с кем-то другим, и, разузнав об общественном положении её родителей, пожелал быть им представленным.

Потом он стал «*бывать*», потом стал «*ухаживать*» и, наконец, сделал предложение.

Блестящий гвардеец и ловкий дирижер слыл опасным сердцеедом. Он ухаживал за всеми хорошенькими девушками, вдовушками и замужними женщинами, с которыми был знаком, и, как говорили, был предметом внимания многих из них. А потому отбить его у всех должно было очень льстить и самолюбию Мимочки и её *manan*.

Мимочка приняла предложение и была объявлена невестой.

Тетя Софи сделала по этому случаю вечеринку с танцами, тетя Мари – обед с шампанским, а тетя Жюли – *folle journée*

и с танцами, и с шампанским, и с катаньем за город.

Жених был почтителен, услужлив и любезен с родными невесты и всем очень нравился.

– Знаешь, Мимочка, – сказала ей тетя Мари, – он так мил, так мил, что будь я немножко помоложе, честное слово, постаралась бы отбить его у тебя.

– Да, вас будет славная парочка, – подтвердила тетя Софи.

– И ты очень умно сделала, душа моя, что приняла его предложение, – закончила тетя Жюли. – Такого жениха не каждый день встретишь. Он *«на хорошей дороге»* и может еще очень выслужиться.

Жених был не только на хорошей дороге, он был «князь», положим, захудалого рода, но все же князь и даже не из восточных. Мало того, он был, по его словам, племянником и единственным наследником богатого бездетного дядюшки, у которого было где-то на юге пятнадцать тысяч десятин и каменноугольные копи.

Благословясь, принялись за изготовление роскошного приданого для будущей княгини. Пришлось делать его в долг, так как дела родителей Мимочки и тогда уже были страшно расстроены... Впрочем, с тех пор как Мимочка себя помнила, дела её родителей всегда были страшно расстроены, что не мешало им, однако, жить, не отказывая себе ни в каких удовольствиях, кроме удовольствия платить свои долги, сумма которых вследствие этого и росла себе да росла, как дурная трава.

В виду предстоящей свадьбы пришлось еще перехватить кой у кого, но несколькими тысячами долгу более или менее, – что могло это значить, когда дело шло о счастии единственной дочери. Было бы где занять!.. А ведь в будущем у Мими были угольные копи бездетного дядюшки! – Все родные Мимочки сделали ей подарки. Тетя Софи подарила ей дорогую шубу, тетя Мари – нарядный капот из плюша vert-jaspe, подбитого атласом bleu-nuage, с богатой кружевной отделкой, тетя Жюли – серебро. Все метки на белье сделали с княжеской короной. Тетя Жюли говорила, что не следует делать этого, так как Мимочка не княжна, а белье принято метить шифром невесты, и что смешно так торопиться с этой короной, точно уж они и не могут скрыть своей радости, что Мимочка будет княгиней. Но тетя Мари и тетя Софи подержали тапан, говоря, что не все ли равно? Ведь все белье, которое будут делать после свадьбы, наметится княжеской короной; отчего же не сделать заранее одинаких меток на всем?

И все метки сделали с княжеской короной.

Прежде еще, чем Мимочка была официально объявлена невестой, папá откровенно переговорил с женихом. Он признался, что дела его в настоящее время настолько расстроены, что он не в состоянии ничего дать за Мимочкой... Но он брал на себя все расходы по устройству гнездышка для молодых и затем обещал помогать им по мере возможности, уделяя дочери часть своего содержания.

Жених, хотя и поблагодарил папá за откровенность, горячо уверяя в том, что при выборе Мимочки он не руководился никакими корыстными целями, однако, не мог скрыть некоторого разочарования, услышав, что Мимочка – бесприданница. Он никак не ожидал этого и откровенно высказал, что это заставит его – не отказаться от невесты, – о, конечно, нет! – но отложить свадьбу на неопределенный срок.

В свою очередь и жених признался, что испытывает в настоящее время довольно неприятные материальные затруднения. Разумеется, затруднения эти не могут сильно озабочивать его, пока он человек холостой и одинокий, так как дядюшкины копи все-таки не уйдут от него; но, тем не менее, он счел бы себя подлецом и бесчестным человеком, если бы позволил себе жениться на небогатой девушке при настоящих условиях, то-есть, не дождавшись, если не смерти бездетного угольного дядюшки, то, по крайней мере, некоторого повышения по службе.

Князь прибавил, что в недалеком будущем ему предстоит получить батальон, что ему было бы очень приятно получить батальон в N., веселом и хорошеньком городе, где жизнь не очень дорога, и где он мог бы как-нибудь устроиться и перебиваться с молодой женой. разумеется, не без сильной помощи папá и бездетного дядюшки. Еслибы папá захотел только употребить в пользу будущего зятя свое влияние, свои дружеские связи, – может быть, он мог бы ускорить свадьбу Мимочки и упрочить благосостояние молодых...

В заключение жених, как честный человек, объявил уже совершенно прямо, что женится только в таком случае, если ему дадут вышеупомянутый батальон. Папá мог устроить это назначение.

Это было трудно; но для счастья единственной дочери можно было и потрудиться. Труды и хлопоты папá увенчались успехом. Жених получил батальон и уехал в N. принимать его. День свадьбы был уже назначен; до него оставалось всего две недели. Но неожиданно пришлось отложить его по случаю траура.

Бедный папá умер скоропостижно, умер в гостях, почти за карточным столом, от удара-ли, от разрыва-ли сердца, – не умею сказать. Жениху сейчас же дали знать телеграммой о случившемся несчастье; но он даже не приехал на похороны. Это тогда уже неприятно поразило всех родных Мимочки и особенно её татап, в сердце которой закрались тревожные подозрения. И подозрения её оказались основательными. Воротясь в Петербург, жених совершенно изменил свое обращение и с невестой, и с будущей тещей. Скоро стало ясно, что он ищет только предлога к разрыву. Пробовал он и ревновать свою невесту, и подсмеиваться над ней, и учить, и перевоспитывать ее, во у Мимочки был такой невозмутимо-ангельский характер, что, несмотря на все усилия жениха, ему не удалось с ней поссориться. Тогда он принялся за татап. Тут дело пошло на лад, и столкновения приняли скоро опасный оборот. Началось с намеков, шпилек, недомол-

вок; потом обе стороны приступили к откровенным объяснениям.

Жених утверждал, что папá обещал выдавать Мимочке ежегодно две тысячи четыреста рублей.

Мамап утверждала, что никогда папá не давал подобного обещания.

На это жених возражал, что если так (то-есть раз, что его хотели обмануть и его же называют в глаза лгуном), то ему, как честному человеку, остается...

Мамап не дала договорить честному человеку его угрозы и предложила отдать молодым всю свою пенсию, с тем только, чтобы они взяли ее жить в себе. Князь получил в N. прекрасную казенную квартиру, в которой ему ничего бы не стоило отвести уголок мамап.

Но, выслушав это предложение, жених заявил категорически, что он женится только в таком случае, если мамап отдаст всю пенсию Мимочке, а сама будет жить, как хочет и где хочет, только не с ними и не у них. Он видел слишком много примеров того, как тещи расстраивают семейное счастье своих дочерей, чтобы не желать оградить Мимочку от возможности неприятных столкновений в будущем, тем более, что, кажется, было уже достаточно ясно, что он лично не сходится характером со своей будущей *belle-mère*.

Нахальство жениха до того возмутило мамап, что она поехала жаловаться на него сестрам, прося их советов и помощи. Тетушки также были возмущены и поражены, услышав

из уст татапа, что «этот нищий князек, этот гвардейский полотер, этот, *passezmoi le mot*, прохвост» хочет, кажется, отказать «*составить счастье*» Мимочки!

Тетушки горячо принялись за дело примирения. они ездили друг к другу, волновались, захлебывались, говорили до пересыхания в горле, пожимали плечами, разводили руками, строго разбирали и обсуждали дело со всех сторон, увещевали жениха, увещевали татапа и жалели и утешали несчастную Мимочку.

– Не понимаю, чем все это может кончиться, – говорила тетя Софи, – но мне кажется, что уж лучше бы им теперь разойтись... Как хотите, он показал себя неблагородным человеком. Батальон получил, а жениться не хочет!

– Ну, знаешь, – возражала тетя Мари, – откровенно говоря, оно и понятно, что брак этот не особенно прельщает его. Что ж Мимочка?... Она мила, конечно... Но все-таки что же это за партия? Он понимает, что может найти гораздо лучше... И не женится он, вот увидите. Разумеется, все эти объяснения только предлог. Ясно, как ден, что он просто не хочет жениться.

– Но необходимо заставить его жениться, – говорила тетя Жюли. – Нельзя же так безнаказанно компрометировать девушку.

Кончилос тем, что тетушки чуть не перессорились между собою, а татапа все-таки получила от жениха длинное красноречивое послание, в котором он объявлял, что пора поло-

жить конец этим неприятным недоразумениям. За последнее время он достаточно ясно убедился и в равнодушии к нему невесты, и в неизбежности неприятных столкновений в будущем с её матушкой; а потому он счел бы себя подлецом и бесчестным человеком, если бы, взвесив все это, не решил пожертвовать своим чувством и возвратить Мимочке данное ею слово, прося ее считать себя отныне совершенно свободною и желая ей всего, всего лучшего. В заключение жених прибавлял, что сегодня же уезжает из Петербурга в N., откуда не замедлит выслать мебель и прочия Мимочкины вещи, давно уже отправленные заботливыми родителями в её будущее гнездышко. В р. s. стояло, что в случае, если папан захочет продавать мебель, и если она согласна отдать ее за... (стояла скромная цифра), то жених охотно купит ее и немедленно вышлет деньги.

Мапан, задыхаясь от волнения и негодования, прочла это письмо сестрам.

Тетушки утешали и успокоивали ее.

– Ну, может быть, это еще и к лучшему, – сказала тетя Софи, – откровенно говоря, он никогда мне не нравился. Я так и знала, что не выйдет ничего путного из этого сватовства.

– Нет, не будем пристрастными, – возразила тетя Мари. – У него есть достоинства... Только, как человек избалованный, он, кажется, немножко эгоист... Ну, и карьерист тоже... Это-то уж с самого начала было видно. Я, признаюсь, еще тогда, как услышала, что покойник вызвался хлопотать об

этом назначении, сказала мужу: «как ты себе хочешь, il y a du louche».

– Ну, и Бог с ним! – закончила тетя Жюли. – Свет не клином сошелся. Мимочка может сделать еще гораздо лучшую партию. Хорошо, что он уехал из Петербурга. По крайней мере, все это поуляжется и позабудется. Нечего приходить в отчаяние. Поверьте, что все делается к лучшему.

И как же не сказать, в самом деле, что все делается к лучшему? Слава Богу, Мимочка снова невеста, снова принимает поздравления... На этот раз назначен не только день, но и «час» свадьбы, и час этот так близок, что у подъезда стоит уже карета тети Жюли, заложённая парой её вороных, готовых мчать Мимочку в церковь «Уделов», где уже собираются приглашенные.

А сама Мимочка сидит перед туалетным столиком в своей розовой девической комнате и, глядя в зеркало, следит за движениями куафёра Гюстава, убирающего её хорошенькую головку.

На кровати, с откинутым розовым пологом, лежит белое платье, тюлевый вуаль и венок померанцевых цветов.

II.

Когда Мимочке было четыре года, она не имела понятия ни о «Стрелóчке», ни о «Чизкике», но уже пела: «Il était une bergère»... и «Malbrough s'en va-t-en guerre». Семи лет

она уже премило лепетала и картавила по французски. Мlle Victoire, её нянюшка, выучила ее к этому времени французской азбуке и несколькими новыми песенками. Потом ей подарили сказки Перро и Беркена, которые познакомили ее с историей «Синей Бороды», «Кота в сапогах» и «Ослиной кожи».

А что за херувимчик была Мимочка с её нежным личиком, белыми как лен волосами и пухленькими голыми ручками и плечиками, разодетая как куколка в беленькое платьице с широким поясом! Нельзя было не восхищаться ею и не говорить ей, что она очаровательный ребенок. И Мимочка охотно выслушивала это, потупляя глазки, грациозно приседала и была уже кокетлива.

Когда она стала постарше и одолела все четыре «conjugaisons», ее научили, с грехом пополам, читать и писать по-русски, по-немецки и по-английски, и наняли ей учителей: танцев, чистописания и рисования. Попробовали было и музыку, сначала фортепьяно, потом арфу, потом скрипку... Но никак не могли напасть на инструмент, на методу и на преподавателя, предназначенных Богом для того, чтобы сделать из Мимочки музыкантшу, и года через три совсем бросили эти музыкальные упражнения, так как оказалось, что Мимочка для них слишком слаба здоровьем.

Наконец, для увенчания Мимочкина образования, ее отдали на два года в пансион m-lle Дуду, или в пансион m-lle Додо, или в институт или даже отослали ее во Францию в ка-

кой-то «couvent». Я не помню хорошенько, что именно сделали с нашей Мимочкой, но помню, что мама не хотела или не могла ограничиться «домашним воспитанием» и отдала дочь куда-то.

Окончив или полуокончив курс (в большинстве случаев, Мимочки не оканчивают курса по слабости здоровья или по непредвиденным обстоятельствам), Мимочка вернулась домой взрослой барышней и надела длинное платье. Она была миловидна, грациозна и изнежена. Она умела говорить и читать по-французски; умела и писать на этом языке настолько, что довольно свободно могла составить и приглашение на чашку чая, и деловое письмо к портнихе. Училась она в пансионе и еще чему-то, но так как это «что-то» было ненужно, неважно и неинтересно, то она и забыла его.

Да и скажите, положи руку на сердце, нужны-ли хорошенькой женщине какие-нибудь знания, кроме знания французского языка? Указывают-ли её потребности, её радости, её деятельность на необходимость каких-нибудь познаний? Нужно-ли Мимочке одеться, обуться, причесаться, нужно-ли ей отделать и убрать свою квартиру, завести у себя хороший стол и сервировку, – знание французского языка облегчит ей объяснения с француженкой-модисткой, с французами: куафёром, поваром, обойщиком, готовыми исполнить не только её приказания, но и в случае надобности подать ей хорошую мысль, совет... Нужно-ли Мимочке «занять» своих гостей, на каком другом языке, скажите, мож-

но вести милее и непринужденнее разговор о погоде, о скачках, об опере?.. Нужно-ли Мимочке чтение, легкое приятное чтение, не уносящее из чудного мира балов и бантиков, не вызывающее морщин, не будящее мыслей и сердца, чтение легкое, как вапёровые воланы на юбке её бального платья, – французская литература даст ей маленькие чистенькие томики, может быть с не совсем чистым содержанием, но за то с хорошим шрифтом, с хорошей бумагой и с интересными действующими лицами!

Вы думаете, может быть, что Мимочка плохо и мало училась, что ей вовсе не до книг. Напротив, она «ужасно» любит чтение. После туалета и выездов она больше всего на свете любит *chocolat mignon* и французские романы.

Не думайте также, что Мимочка оттого любит французские романы, что она не патриотка, или что она забыла русскую азбуку. Вовсе нет. Она бы и рада читать по-русски, но ведь нечего! Еслиб заботливая мама и захотела дать дочери какую-нибудь русскую книгу, что могли бы вы рекомендовать ей кроме хрестоматий Филонова и Галахова, которые, разумеется, не могут занять воображение девушки в том возрасте, когда она, натурально, мечтает о любви, о замужестве...

Мама раз как-то подняла этот вопрос при сестрах, и тетушки только подтвердили её собственное мнение о том, что по-русски читать совсем нечего, да и незачем.

Тетя Софи заявила, что она выписала-было «Модный

Свет» и жалела об этом, так как он не выдерживал сравнения с французскими изданиями такого рода.

Тетя Мари получала «Отечественные Записки» и сообщила, что сотрудники этого журнала пишут таким тривиальным языком, что положительно их нужно читать с диксионером. «Мне говорили: Щедрин, Щедрин... И муж зачитывается, восхищается... Я как-то на днях попробовала почитать, – ничего не понимаю!.. Ну, т. е., a la lettre ничего!.. Какая-то свинья... Подоплека, подоплека... Я так и мужу сказала. Ну, говорю, не знаю: или ужь я так глупа, или это Бог знает что!»

Тетя Жюли читала «Русский Вестник» и, хотя созналась, что попадают в этом журнале хорошие романы, но, все-таки, она не рекомендовала бы читать их Мимочке, так как последнее время, что ни роман, непременно социалисты на сцене... А кому неизвестно, в чему приводит знакомство с социалистами?.. И тетушки решили, что незачем Мимочке читать по-русски, когда есть столько хороших французских книг.

Но, скажут, есть же и у нас писатели. Ну, положим, что есть. Однако, что же, все-таки, из них можно дать в руки Мимочке?

Может быть, «Обрыв» Гончарова? «Накануне» Тургенева? «Грозу» Островского? «Анну Каренину» гр. Толстого? «Головлевых» Щедрина? «Карамазовых» Достоевского?

– Да вы видели ли Мимочку? Видели ли вы это невинное женственное существо, эту Миранду, слетевшую не то с об-

лака, не то с модной картинки?

Нет, уж пусть лучше Мимочка читает Октава Фёлье, с его чистым как ключевая вода слогом, с его поэтическими героями и героинями, судорожно кривляющимися в неестественной борьбе их неестественных страстей с выдуманном долгом. Если Мимочке скучен Октав Фёлье, она найдет во французской литературе и другой материал. Пусть она читает Понсона дю-Террайля. Сказки, скажете вы. Пусть так; но за то это сказки интересные, увлекательные.

Как весело от бала до бала, между примериваньем нового платья и прогулкой за перчатками, отдыхать на мягкой нисенькой кушетке, в светлой розовой комнатке, уставленной куколками, шкатулочками, букетиками, бонбоньерками, кушать *chocolat mignon* или *chocolat praliné* и читать Понсон дю-Террайля! Весело бегать по освещенным газом улицам Парижа, кататься вокруг озера или каскада Булонского леса, слышать эти беспрерывно-раздающиеся выстрелы дуэлей, следить за перипетиями любви преступной, но красивой и нарядной, разрушать ковы злодеев, соединять любящихся...

Весело то с замирающим, то усиленно бьющимся сердцем и грациозно приподнятым подолом пробегать через темные неведомые трущобы, проникать в уголки блестящих кокоток, нежиться на их бархатных и атласных кушетках, брать с ними молочные ванны, купаться в шампанском, украшать себя кружевами и бриллиантами, пировать, сорить деньга-

ми, сентиментально влюбляться в какого-нибудь прекрасно-скромно-одетого юношу, незаконного сына, в конце-концов оказывающегося виконтом, маркизом или даже принцем и непременно миллионером, – Пусть все это сказки; но, по крайней мере, это не такие мрачные сказки, как «сказка об Аниньке и Любиньке!»»

И Мимочка, между туалетом и выездами, поглощает эту легкую литературу и незаметно отравляется ею. В эту чудную пору, когда поэт сравнил бы её пробуждающееся сердце с готовым расцвести бутонем, в её душу западает образ Анри, Армана или Мориса.

Морис этот не ест, не пьет, не подвержен никаким непотическим слабостям и болезням. Единственное, что разрешает ему от времени до времени автор, это легкая царापина (результат одной из бесчисленных дуэлей), вследствие которой Морис является перед читательницами с черной повязкой на руке и с интересной бледностью в лице. Автор не разрешает ему также никакой деятельности, никаких определенных занятий, так что все время очаровательного героя посвящено любви и женщинам. Разумеется, он преисполнен всевозможных качеств и талантов; он отлично ездит верхом, отлично плавает, стреляет, влюбляет в себя всех встречающихся на пути его женщин, затмевает благородством и храбростью всех мужчин, швыряет на все стороны кошельки, полные золота, и получает наследство за наследством. – Образ Мориса, его речи, манеры, поступки запечатлеваются

в сердце Мимочки, которая вместе с прочими жертвами героя влюбляется в него.

III.

Итак, окончив или полуокончив курс, Мимочка возвращается домой взрослой барышней и надевает длинное платье.

Жизнь встречает ее приветливой улыбкой. Мимочку начинают «вывозить». Она танцует, веселится... Балы сменяются спектаклями, спектакли – концертами, пикниками, каруселями... В промежутках – чтение, *chocolat mignon* и мечты о Морисе.

Между тем *matan*, прошедшая тяжелую школу жизни и знающая, что «не век дочке бабочкой по полям порхать», уже озабочена вопросом о том, как бы хорошенько пристроить Мимочку. *Matan* мечтает найти для неё мужа богатого, светского и чиновного, если можно титулованного и родовитого. Мимочка должна сделать блестящую партию. К этому ведь клонилось все её воспитание. Иначе к чему же было платить бешеные деньги учителям танцев и чистописания, к чему было возить девочку за границу, в чему было посылать ее на курсы *m-lle Дуду*? Подумайте только, чего все это стоило! Да, родители Мимочки могут, по крайней мере, смело сказать, что они ничего не жалели для воспитания и образования своей единственной дочери.

Мимочка знает хорошо все лучшие магазины Петербурга; может быть, она знает и магазины Парижа, Вены и Лондона; она умеет тратить деньги, умеет одеваться, умеет держать себя в обществе. Теперь надо найти для неё мужа, который дал бы ей полную возможность выказать свое уменье в полном блеске, который окружил бы ее подобающей обстановкой и достоин был бы принять из рук татан это тепличное растение, чтобы пересадить его на почву супружеской жизни.

Мимочка ждет и сама. Она еще мечтает о любви, о Морисе, но знает уже, что главное все-таки – деньги, что без экипажа, без «приличной» обстановки и без туалетов ей будет не до любви.

Мимочка знает, что она невеста; но она знает также, что она еще молода, что она «ребенок», и пока она «ребенок», она вальсирует, улыбается и играет веером и своими невинными глазками.

...Хитрый народ эти женихи! Трудно провести их. Ах, если б Морис был в их рядах, он оценил бы Мимочку; он взял бы ее, не заглядывая в кошелек бедного папá. Но подите, отыщите его, этого Мориса!..

А время летит... Хина и железо становятся уже необходимыми бедной девочке. Эти упоительные балы, ночи без сна, – все это так утомляет.

И вот, представьте себе, читатель, что наступает минута, когда первая свежесть уже утрачена, – Мимочка начинает худеть и дурнеть; знакомый доктор, которому надоело

даром прописывать мышьяк, железо и пепсин, посылает барышню на заграничные воды; денег на поездку достать неоткуда; портнихи отказываются сшить в долг даже простое дорожное платье... Потом, представьте себе, что в такую, и без того неприятную минуту, в семье происходит какая-нибудь катастрофа: заболевает ли опасно кто-нибудь из родителей, изгоняется ли папá со скандалом из службы, вследствие раскрытия каких-нибудь незаконных проделок, умирает ли он, оставляя семье ничтожную пенсию и неоплатные долги... Мало ли что случается... И нет вещи, за которую можно было бы поручиться, что она не сбудется.

В жизни вашей Мимочки такой катастрофой была неожиданная смерть бедного папá. Он умер, оставив жене пенсию в полторы тысячи и долги, сумма которых еще значительно увеличилась за последнее время вследствие расходов на приданое. Мамап просто не знала, что ей делать с этими, выплзшими из всех щелей, кредиторами. Жених изменил, бросил и, купив за бесценок Мимочкину мебель, совсем замолк. Стороной, уже несколько позже, дошел до мамап слух, будто он женится на дочери N – ского губернатора.

Положение бедных женщин было ужасно во всех отношениях. В доме буквально не было ни копейки. Мамап рвала на себе волосы и проклинала «разорившаго» их жениха-негодяя. Тетушки утешали, соболезновали, но между собою не могли и не осуждать слегка бедную мамап.

– Конечно, положение Annette ужасно, – говорила тетя

Мари, – но как же не сказать, что она сама виновата? Ну, в чем было делать такое приданое, когда они и без того уже так нуждались? Дома есть нечего. а Мимочке отделявают белье точно какой принцессе! И кого они думали удивить этим?..

– Да, конечно, они сами виноваты, – соглашалась тетя Софи, – но мне жаль все-таки бедную Мимочку. Она так избалована; а кто знает, что еще предстоит ей в жизни! Ведь кончится тем, что ей придется идти в гувернантки.

– Я дала сегодня сто рублей, – сказала в заключение тетя Жюли, – но я не могу давать каждый день. Если сосчитать все, что я уже передавала...

* * *

Лично Мимочки нужда почти не коснулась; по-прежнему у неё были все «необходимые» туалеты, шелковые чулки, *chocolat mignon* и французские романы. Но раздражительно-унылый вид татап, её слезливые объяснения с тетушками, сцены с дерзкими француженками, требующими денег и денег, не могли не делать неприятного впечатления на молодую девушку.

И Мимочка хандрела и капризничала. Она отказывалась принимать железо, потому что ей сказали, что оно портит зубы, и нарочно не ела заказываемых для неё кровавых бифштексов, нарочно не ела ничего, кроме *chocolat praliné*. Она

перестала читать романы, перестала вязать frivolité, перестала чесать и купать свою собачку и возиться с ней, словом, бросила все свои занятия и – хандрила. Теперь Мимочка целыми днями лежала на кушетке, заложив руки под голову, или безучастно смотрела в окно. По случаю траура она не выезжала. Ей было скучно! Мимочка жалела о разрыве с женихом. Не то, чтоб он ужь ей очень нравился, о нет! Многие из знакомых танцоров нравились ей гораздо больше... К тому же ей сказали, что он «негодяй», и она не могла не повторять этого, потому что привыкла во всем верить татап и тетушкам. Но негодяй ли, не негодяй ли, а все-таки ей было жаль, что она не вышла замуж. Если бы вы знали, до чего ей надоели теперь все эти намеки, расспросы и соболезнования!.. Надоели ей и девические белые и розовые платья, золотые крестики и нитки жемчугу на шее... Так близки были чепчики, бриллианты, бархатные платья и свобода от опеки татап, и вдруг все это разлетелось, расстроилось!..

Мимочка хандрила, капризничала и желала какого-нибудь исхода, какой-нибудь перемены своего положения.

Жаждала исхода и татап, проводившая ночи в молитве, слезах и мечтаниях о новом женихе-избавителе, о неожиданном наследстве, о выигрыше двух-сот тысяч.

IV.

Какого же исхода могла желать сама Мимочка? И что мо-

жет предстоять в жизни бедной девушке девятнадцати лет? Пусть не сердится на меня Мимочка за слова «бедная девушка». Я знаю, что слова эти звучат не красиво, напоминают, может быть, о гувернантке, о телеграфистке... Да и плохо идет подобное название в изящной девочке в кофточке от Бризак и шляпке от Бертран. Но наружность бывает обманчива... Надеюсь, что и сама Мимочка не решится, все-таки, оспаривать меня в том, что она – бесприданница и молодая особа, qui n'a pas le sou.

Итак, что же может предстоять в жизни бедной девушке девятнадцати лет?

Выйти замуж за такого же бедняка, как она, предположим, за человека молодого, честного, энергичного и любящего, достойного любви и уважения, но не владеющего ни домами, ни поместьями, ни акциями, ни облигациями, не имеющего других источников дохода, кроме своего труда... Полюбить этого человека, сделаться его женой, другом и помощницей, склонить свою хорошенькую головку на его плечо, доверчиво опереться нежной ручкой на его сильную руку и идти с ним по жизненному пути, освещая и согревая ему путь этот своей любовью и ласками?.. Принести в скромный уголок труженика свою красоту, молодость и грацию, забыть себя в заботах о своем избраннике и в свою очередь сделаться смыслом, заботой и наградой чужой жизни?..

Но позвольте... Вы говорите, что он не имеет других источников дохода кроме своего личного труда. Положим, что

ваш молодой человек зарабатывает много, положим, даже достаточно для того, чтобы Мимочка не одевалась как нищая в старомодные платья. Но умри он, – с чем она останется? Будь это человек пожилой, он мог бы, по крайней мере, оставить ей какую-нибудь пенсию; а молодой человек, ну, скажите, что он может оставить? Детей, по всей вероятности... Куда же она денется с этими несчастными детьми, которым не завещают ни домов, ни поместий, которым не завещают ничего кроме труда? – Согласитесь, что труд – это такой капитал, процентами с которого Мимочка еще, пожалуй, может пользоваться, пока он в руках её мужа, но раз, что муж умрет и капитал этот должен будет перейти в её собственные ручки, – сомневаюсь, чтоб она осталась довольна подобным наследством.

Не думайте, впрочем, чтоб Мимочка была уж чересчур ленива, жадна и бессердечна. Может быть, она бы и рада была полюбить и пожертвовать роскошью для любимого человека. Она ли не мечтала о Морисе? Но она могла бы принести подобную жертву только в таком случае, если б ей встретился молодой человек... ну, хоть такой, как «le jeune homme raucge» у Октава Фёлье. Помните, как он бедненький умирал с голоду и грыз почки и листья тюильрийских платанов, после того, как истратил свои последние деньги на покупку дорогого мыла, конфеток и картинок для своей сестры. Чего стоит одна эта черта! Может ли сердце женщины не оценить подобного великодушие, подобной деликатности! А как пле-

нительны в этом молодом человеке его элегантные манеры, его светский такт и образование при его скромном общественном положении. Так и чувствуешь, что он только заостюмировался en jeune homme raivre и чуть дело дойдет до развязки, скинет деревянные башмаки и соломенную шляпу скромного управляющего и окажется несравненно богаче своей невесты.

Разве Мимочка задумалась бы полюбить его? Да ни на минуту! Но согласитесь, что не так легко полюбить бедного русского молодого человека, который не получит никакого наследства, который не носит перчаток, может быть, ее говорит по-французски, а если и говорит, то с скверным выговором, – который думает, что женщина должна серьезно учиться и трудиться, который зарабатывает свой кусок хлеба уроками, литературным трудом, может быть, даже сидит писцом в какой-нибудь конторе или служит на железной дороге чем-то чуть ли не в роде кочегара (потому что ведь бывают даже и такие молодые люди!). Согласитесь, что уж если отказываешься от экипажа и хорошей квартиры, от *своего* общества и выездов, от Бризак и Бертран, от тонкого белья, может быть, даже от chocolat mignon и французских романов, то человек, которому все это приносится в жертву, должен, по крайней мере, быть достойным её, чем-нибудь заслужить ее. А наши бедные молодые люди так грубы, неотесаны и d'un terre-à-terre! Что же в таком случае можно найти в них привлекательного?

Короче, Мимочка, «кто беден, вам не пара». Да и татап никогда не допустит вас «плодить нищих», по её выражению... А татап опытна и знает, что говорит. Она знает, каково жить на маленькие средства!

Другая перспектива: отложить надежду на замужество и примириться с мыслью остаться никому ненужной старой девой. (Это хорошенькой-то Мимочке, которая уже с семи лет знала, что ей к лицу, и плакала, если ей повязывали на голову не ту ленточку, которую ей хотелось!)

Но положим, она откажется от надежды на замужество. Чем же, жить в таком случае, как существовать, если, Боже сохрани, умрет татап (а она непременно когда-нибудь умрет), и некому уже будет заботиться о туалетах Мимочки и о её пропитании, некому будет продавать и закладывать вещи, выпроваживать кредиторов, занимать и слезно вымаливать денег у родных и знакомых. Мимочка – такой ребенок; она пропадет одна... Жить ей своим трудом? самой зарабатывать свой кусок хлеба? сделаться женщиной-врачом, женщиной-кассиром, бухгалтером?... Но Мимочку воспитывали совсем не в таких идеях!..

О медицине лучше уж не будем и заговаривать. При одной мысли, при одном воспоминании о поминутно потупляемых невинных главках Мимочки, я не решаюсь предложить ей такое неприличное занятие, как изучение анатомии. А её нервы!.. Вы знаете, Мимочка такая трусиха, что каждый вечер, прежде чем лечь спать, она шарит с зажженной свечой у

себя под кроватью, под креслами и стульями, желая убедить-
ся, не сидит ли там Рокамболь, Сэр Виллиамс или какой-ни-
будь страшный нищий. Она заглядывает даже в душники...
Она всего, всего боится! Как же вы заставите ее приучить
себя к зрелищу страданий, крови, смерти?

Не менее нелепо представить себе Мимочку конторщи-
цей, положим, хоть в правлении какой-нибудь железной до-
роги, – представить себе ее в комнате, уставленной столами
и конторками, за которыми сидят все страшные, незнакомые
мужчины. Да ведь все они влюбятся в нее, все они будут за
ней ухаживать! И вообще, сидеть ей с десяти часов утра до
пяти вечера в одной комнате с мужчинами... Как хотите, это
неприлично! Не думайте, что Мимочка так-таки уж нико-
гда и не сидела в одной комнате с мужчинами. Она даже но-
сила в их объятиях, под чарующие звуки модных вальсов,
исполненных росенбергом, Шмидтом или Альквистом. Ска-
зать по правде (и по секрету), молодой гвардеец даже не раз
целовал ее в укромных уголках и до и после «предложения».
Но, во-первых, она никому не говорила об этом, кроме своей
подруги m-ле Х. и Дуняши, своей горничной, так что тамап,
да и вообще никто и не подозревает этого; а во-вторых, ведь
он был же все-таки её женихом. Да наконец, если б даже и
все вальсировавшие с Мимочкой целовали ее, – не спорю,
это было бы дурно, очень дурно, – но все-таки, мне кажется,
это было бы менее неприлично, чем сидеть ей целыми дня-
ми в какой-то конторе. Все эти вальсёры, по крайней мере,

люди её *круга*, принятые в обществе её знакомых, а ведь кто их знает, кто они там такие в этой конторе?.. Может быть, жида, мещане... А кто ж поручится, что и там не будут целовать Мимочку? Она еще такой ребенок!..

Может быть, Мимочка могла бы давать уроки, *cougir le satchet*? Но уроки чего, – французского языка? – Она прочла Понсон дю-Террайля и К°, прочла и Белло́ и Малло́, прочла Октава Фёлье, и Дюма-Фиса, но о грамматике она имеет самое смутное понятие; а от учительницы требуется знание грамматики. И потом давать уроки, – это опять-таки значит бегать одной по улицам, рисковать быть принятой Бог знает за кого... Бедная Мимочка так миловидна и женственна, что если подле неё нет приличной компаньонки, а за ней лакея, то ее можно принять Бог знает за кого!

Мимочка не умеет ни шить, ни кроить, ее не учили этому; да и не портнихой же сделаться ей в самом деле! Она умеет только вырезать абажуры и вязать *frivolité*. Но ведь вязаньем *frivolité* много не заработаешь.

Словом, очевидно, что все эти толки о женском труде, о женской самостоятельности оказываются чистейшим вздором. Да и к чему мудрить, когда призвание и обязанности женщины указаны ей Богом и природой. Она должна быть женой и матерью, подругой мужчины, из ребра которого ее для него и создали. А потому Мимочка, ждите, ищите и ловите себе жениха, конечно, надежного и «обезпеченного». Вот вам третья перспектива, третий (и кажется единствен-

ный и возможный для вас) исход из вашего настоящего положения.

Есть женихи самой судьбой предназначенные для Мимочки, для бедной, но избалованной, в роскоши возвращенной и непривыкшей в лишениям девушки. Женихи эти бывают двух категорий. Или это богатые старые холостяки, растратившие в бурно-проведенной молодости и силы, и здоровье, и ум, и чувство, растратившие все, кроме своих слишком легко доставшихся им денег, изведавшие всего, что могли дать им эти деньги, – неизведавшие еще только обладания своей «собственной» невинной, молодой и хорошенькой женой, купить которую впрочем никогда не поздно. Или же это старые холостяки, в противоположность первым, начавшие жизнь и карьеру с нужды и лишений, робкие, расчетливые, во всем отказывавшие себе в молодости, сколотившие правдами и неправдами желанный капиталец и достигшие наконец вожделенного чина, положения, времени и возраста, положенного ими для вступления в брак с молодой и хорошенькой девушкой.

Небо не осталось глухо к мольбам татап и посылает ей Спиридона Ивановича. Через тетушек и кумушек ведется сватовство, устраиваются смотрины; разумеется, все происходит самым приличным образом.

Спиридон Иванович может быть глуп или умен, добр или недобр; он может быть человеком нравственным или безнравственным, дурным или хорошим, – все это оттенки

неважные; важно же и несомненно то, что он человек солидный, пожилой, опытный и «обезпеченный», лысый, обрюзгший, страдающий катарром и ревматизмами, может быть, и подагрой...

Неужели выйти за него замуж? Матап стоит за Спиридоном Ивановича. Мимочка, верьте матап: она умнее, опытнее вас; она знает жизнь. А вы, что вы знаете? Романы?.. «La vie n'est pas un roman», говорят вам; скоро вы и сами убедитесь в том, что это правда.

И Мимочка покоряется. Она дает свое согласие, кокетливо подсмеиваясь над Спиридоном Ивановичем и заранее победно притопывая носком башмачка, под которым она намерена держать своего будущего мужа.

V.

Сватовство произошло следующим образом.

Тетя Жюли, между визитами, винтом и оперой, выискала где-то Спиридона Ивановича и познакомилась с ним. Когда она окончательно убедилась в том, что курское имение его не заложено и дает завидный доход, а также и в том, что у Спиридона Ивановича нет никакой серьезной связи (если не считать немолодой уже танцевщицы, к которой его привязывала только привычка, да четверо довольно миленьких детей), тетя Жюли намекнула матап, что, кажется, у неё есть в виду нечто подходящее для Мимочки.

Мамап съездила к Сергию и отслужила молебен.

Вскоре после того тетя Жюли разослала своим знакомым приглашения на вечер с танцами. Мамап предупредили, что будет Спиридон Иванович. Мимочке сделали восхитительный туалет сгèте, достойный быть подробно описанным на страницах какой-нибудь «*chronique de l'élégance*». Туалет очень удался и был оценен по достоинству всеми присутствовавшими на вечере. Это был первый выезд Мимочки в эту зиму; траур её только-что кончился. Толки о её так неожиданно расстроившейся свадьбе и о дурном поступке её жениха еще не затихли и переходили из уст в уста с добавлениями и украшениями. Вследствие ли этого, или просто потому, что в этот вечер Мимочка была особенно мило одета, но все как-то обратили на нее больше внимания, чем обыкновенно. Все точно сговорились восхищаться ею и говорить ей любезности. Мимочка танцевала больше всех, несколько оживилась, против обыкновения, и положительно была царицей вечера.

Опускаясь на стул после закружившего ее тура вальса, слегка задыхаясь, и краснея нежным румянцем, она чувствовала устремленные на нее со всех сторон одобрительные взгляды, и это сознание своего успеха делало ее еще милее.

Спиридон Иванович играл в карты; но перед ужином и он вышел в залу и стал в дверях, любуясь танцующими. Мимочка очень понравилась ему. Он же в этот вечер был в духе и в выигрыше. Со свободой старого холостяка он принял

громко и искренно восхищаться грацией и миловидностью этой прелестной куколки и даже высказал, что если б только он мог стряхнуть с плеч хоть полтора десятка годков, то, не задумываясь, сейчас же, сделал бы ей предложение.

Матан, весь вечер караулившая Спиридона Ивановича, подхватила эти неосторожные слова, и сердце её забилось радостной надеждой.

В мазурке Мимочка, по совету тети Жюли, выбрала стоявшего в дверях Спиридона Ивановича и прошлась с ним по зале при всеобщем восторге. Все улыбались, глядя на них: тому-ли, что хорошенькой Мимочке пришла фантазия выбрать такого старого и некрасивого кавалера; тому-ли, что Спиридон Иванович в его годы, в его чине и при его одышке пустился в пляс, не умея танцевать; или, наконец, просто гости тети Жюли прониклись её намерениями и уже приветствовали в этой паре будущих жениха и невесту, – как бы то ни было, но все улыбались и радовались, глядя на них. Улыбался и сам толстый Спиридон Иванович, обливаясь потом и дыша как паровоз; улыбалась и воздушная Мимочка.

За ужином их посадили рядом. Милый Спиридон Иванович, – откровенно и даже несколько испуганно предупредивший тетю Жюли, что он совершенно не привык к обществу «порядочных» женщин и особенно молодых невинных девушек, сидя рядом с Мимочкой, продолжал любоваться ею, шуточно и преувеличенно-почтительно ухаживал за ней и занимал ее, чуть не говоря «агу», «тпруа» и «баиньки», что-

бы попасть в тон и быть по́нятым.

А возбужденная танцами и выпитым вином Мимочка, очень польщенная к тому же вниманием и ухаживанием этого смешного толстого господина в густых эполетах совсем оживилась, раскраснелась и, даже разговорилась против обыкновения.

Она рассказала Спиридону Ивановичу, что она очень любит танцевать и что прошлую зиму она провела очень скучно, так как не выезжала по случаю траура по папá; зато теперь уже она натанцуетя!.. Потом Мимочка рассказала, что она также очень любит маленьких собачек и что у неё была такая душка – собачка, маленькая, маленькая; ее звали «Franfreluche», и она околела! Мимочка целую неделю плакала. Это было самое большое горе в её жизни. Она так любила эту собачку! А теперь тетя Мари подарила ей другую собачку. Эта немножко побольше, но тоже – прелесть; и зовут ее «Turlurette»... И она уже становится на задния лапки!..

Спиридон Иванович предложил тост за здоровье «Turlurette»... Мимочка смеялась, кокетничала, пила шампанское, чокаясь со Спиридonom Ивановичем, и блистая слегка опьяневшими глазками, откровенно говорила, что никогда, никогда еще ей не было так весело!

А татап смотрела на них с другого конца стола и умилялась.

На следующее утро взволнованная мамап явилась к тете Жюли для переговоров. Переговорили и о курском имении, и о танцевщице и её детях, и о вчерашнем поведении Спиридона Ивановича. Решено было повести на него серьезную атаку. Тетя Жюли великодушно вызвалась помогать и повела дело так ловко, что в какие-нибудь две-три недели бедный Спиридон Иванович был окончательно опутав, оцеплен, и оставалось назначить день свадьбы.

Мамап не помнила себя от радости. Прежде, может быть, она и мечтала о чем-нибудь еще более блестящем; но теперь, в их ужасном безвыходном положении, после всех этих передряг и неприятностей с первым женихом, Спиридон Иванович казался таким кладом, какого уже не надеялись и найти. Да и строго разбирая, чем не жених? Генерал, богат, кажется, человек добрый... Вот танцевщица и её дети!.. Ну, да нельзя же в самом деле, чтоб все ужь было так без сучка, без задоринки. Если только он не будет разоряться на эту семью, то в сущности Мимочке нечего и обращать на это внимания.

И мамап, и Мимочка совсем выбились из сил в хлопотах о приданом. Жених торопил со свадьбой и нельзя же было заставить почтенного человека ждать как какого-нибудь мальчишку! К тому же мамап и сама слишком намучилась с первым женихом, чтоб не желать теперь ковать железо, пока

оно было горячо.

Главные статьи приданого – белье, шубы, серебро – были уже на лицо. Пришлось только спарывать княжескую корону. Но платье нужно было частью переделывать, частью шить заново. В шестнадцать месяцев промежутка между женихами мода сильно шагнула вперед.

Тетушки и дядюшки, переговорив и посоветовавшись между собою, сделали Мимочке новые подарки. Не скупился на подарки и Спиридон Иванович. Все шло прекрасно. Маман ликовала. Мимочка глотала мышьяк, пила пиррофосфорно-железную воду, примеряла новые платья, принимала поздравления и щелкала коробками и футлярами от Вальяна, Арндта и Бобстеля, любуясь подносимыми ей брильянтами, сапфирами и изумрудами.

Все радовались за нее; все поздравляли ее душевно, сердечно, искренно, – желали ей всего, всего хорошего, и твердили хором: «Ну, слава Богу, слава Богу»!

VI.

И вот назначен не только день, но и час свадьбы...

Прическа Мимочки окончена. Гюстава выпроваживают из комнаты. Мимочка надевает подвенечное платье, украшенное гирляндами и букетиками померанцевых цветов, с длинным трэном из толстого белого фая, подбитого белым же лионским атласом, чудное платье, выписанное от m-me

Lesserteur. Мимочка несколько озабоченно шурится, оглядывая себя в зеркало. Лиф сидит восхитительно.

Остается наколоть вуаль и цветы, monsieur Gustave снова принимается за дело. Его торопят. Кажется, шафер уже приехал. Да, да, шафер сейчас приехал... Жених уже в церкви... Пора!

Сейчас, сейчас Мимочка будет готова. Я смотрю на нее и невольно мною овладевает некоторое волнение, невольно я забегая мысленно вперед и вижу уже светлую церковь, где толпа празднично одетых родных и знакомых переговаривается и переглядывается в ожидании невесты; вижу и толстого Спиридона Ивановича, сияющего орденами, чистенькой лысиной и новыми густыми эполетами.

Вот в толпе пробегает движение, разговоры стихают, все головы оборачиваются. На клиросе раздается торжественное пение, – и Мимочка показывается на пороге церкви. Дядя Федор Федорович в ленте Белого Орла ведет ее под руку по мягкому ковру. Как она мила! Клянусь, цветы флер-д'оранжа и белое тюлевое облако не украшали более изящной, более очаровательной головки.

«Гряди, гряди, голубица»...

Но знаете ли вы, куда вы грядете, бедная голубица? Подумайте, Мимочка, не остановиться ли, пока еще не поздно?..

«Зачем?.. И о чем тут думать. Все так выходят. Ведь надо же когда-нибудь сделать этот шаг. Ведь надо же. Куда же в самом деле деваться»?!..

– Но вы бледны, Мимочка; вы опускаете ресницы, и восковая свеча слегка дрожит в вашей маленькой ручке... Вам страшно? Вам стыдно?

– Нет, но как-то жутко и неловко...

В церкви, кажется, холодно... Или это лиф слегка жмет... что-то странное, неприятное... И потом все смотрят!..

* * *

Но я брежу. Мимочка вовсе не в церкви. Она еще у себя в комнате и стоит перед большим зеркалом; она не в силах оторваться от созерцания нового платья.

Туалет её окончен. Вуаль и цветы необыкновенно к лицу невесте, и все говорят ей это; но Мимочка уже не улыбается своей привычной однообразной улыбкой. Она слегка волнуется. На щеке её выступает розовое пятнышко, рука слегка дрожит, протягиваясь за перчаткой. Отчего это ей так холодно?

Волнуются и все окружающие ее. Горничная Дуняша гримасничает, глотая слезы. Люлюшка или Turlufette визжит и лает, обиженная тем, что ее отгоняют от трэна Мимочки. Невесту окружают, оглядывают со всех сторон, оправляют на ней платье, вуаль, подают ей духи, перчатки...

Пора, Мимочка, пора! Идите теперь в залу; надо еще благословить вас. Жених уже в церкви... торопитесь; вас ждут...

Оглянитесь же в последний раз на вашу девическую комнату, оглянитесь на вашу розовую комнату, в которой вы кушали *chocolat mignon* и читали французские романы, и проститесь с ней! Вы уже не вернетесь сюда. Что-то ждет вас в новой жизни?

* * *

Мимочку благословили. Матан слегка прослезилась, обнимая и целуя побледневшую дочь. «Тебе не дурно, Мими?» – «Нет, нет, ничего»...

Мимочка спускается с лестницы. У подъезда на тротуаре стоит уже группа любопытных зевак: заплаканная горничная Дуняша, кухарка, прислуга соседей, посторонние зрители...

Тетя Жюли, мальчик с образом и невеста садятся в карету. Лакей захлопывает дверцу и вскакивает на козлы.

Скоро карета исчезает за углом Литейной.

Прощайте, Мимочка; будьте счастливы!

* * *

Вы ожидали, может быть, Мимочка, что я последую за вами и в церковь, и далее, и далее... Нет, зрителей на вашей свадьбе довольно и без меня. Взгляните только на это собрание людей, толпящихся с разрешения городских на широком

тротуаре Литейной вдоль длинной вереницы карет. Взгляните на этих швеек, горничных, салопниц, молодых и старых, зазевавшихся на ходу с узелками и картонками в руках; они не в силах устоять против искушения полюбоваться орденами и эполетами ваших дядюшек, светлыми элегантными туалетами ваших тетушек и главное дожидаться вас, – вас, Мимочка, – чтоб хоть одним глазком взглянуть на виновницу торжества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.